

Однако он не оговаривает, почему не причисляет к ним походы ушкуйников на Мурман в 1320–1348 гг., на Кареллу в 1339 г., на Устюжну и Белозерье в 1340 г., Двинскую землю в 1342 г. (см. *Бернадский В. Н.* Указ. раб. С. 39).

²⁹ Об этом свидетельствует сообщение летописей об избиении немцами в 1284 г. 40 псковичей приехавших собирать дань с латгалов, неподалеку от ливонского замка Марисенбург и запись в 1403 г. о том, что псковичи потрошили жито возле замка Нейгаузен на своей земле. См.: Псковские летописи. Вып. I. С. 13, 14, 27; Вып. II. С. 22, 88, 110.

³⁰ *Алексеев Ю. Г.* Москва и Псков накануне включения Пскова в состав русского государства (60–70-е годы XV в.) // Археология и история Пскова и Псковской земли. Тез. докл. науч. конф. Псков, 1986. С. 7.

³¹ Псковские летописи. Вып. I. С. 76; Вып. II. С. 219. Соха — единица податного обложения на Руси в XIII–XVII вв. В конце XV в. новгородская соха равнялась трем *обжам*. (Обжа — поземельная мера, равная 5–10 десятинам, которая обрабатывалась одним работником с лошадей.) К сохе могла быть приравнена и любая другая производящая единица: чан кожевника, кузница, невод, соляная варница или лавка.

³² Там же. Вып. I. С. 81, 82; Вып. II. С. 251.

³³ Там же. С. 84. *Бобыли* — феодально-зависимые малоземельные или безземельные люди.

³⁴ Там же. С. 86.

³⁵ *Рабинович М. Г.* Военное дело на Руси... С. 107.

© 1991 г., СЭ, № 3

Г. В. Цулая

ИЗ ИСТОРИИ ГРУЗИНСКОЙ АНТРОПОНИМИИ

Слово и имя — наиболее напряженный и наиболее показательный результат мышления

А. Ф. Лосев. Философия имени

Историческая антропонимика в последние годы все более заявляет о себе как важная вспомогательная дисциплина в системе гуманитарных наук. Исследователи все чаще пользуются данными антропонимии в качестве определенных свидетельств о социальном и культурном развитии того или иного народа, его политических и этнических связях и контактах.

Вполне очевидно, что историческая антропонимика развивается на стыке таких наук, как этнолингвистика, история, этнография, источниковедение, и не только пользуется методами названных дисциплин, но часто сталкивается со стоящими перед каждой из них трудностями. Исследовательский опыт свидетельствует, что всякий раз, когда антропонимическими сюжетами монополично «овладевают» представители какой-либо из упомянутых дисциплин, результат может получиться обратный желаемому. Еще А. Мейе заметил, что «язы-

коведы, которые интересуются преимущественно этимологией собственных имен, часто становятся авантюристами от лингвистики и лишь немногие из них строго соблюдают требование метода»¹. Ныне уже вполне доказано, что хотя антропоним и является прежде всего элементом языка, лингвистике в науке об именах не может принадлежать монопольное место. «Даже наиболее „чистое“ лингвистическое изучение имен,— замечает А. В. Суперанская,— не может не выходить за пределы одних лишь языковых возможностей, и лингвисту все время необходимо иметь в виду внеязыковые ассоциации собственных имен, из них первое место по справедливости принадлежит социальным факторам, которые в свою очередь находятся в неразрывной связи с историей, политикой, экономикой»².

Безусловно связанная с этимологическими разысканиями, антропонимика в силу собственных внутренних особенностей вносит в них свою специфику³. Лексикологические экскурсы в антропонимических исследованиях не самоцель, они подчиняются нуждам собственно науки об именах и способствуют выявлению истории возникновения того или иного имени в контексте определенных социальных и этнокультурных условий.

В свете этого общезвестного положения мы и предлагаем анализ нескольких имен, взятых нами преимущественно из средневековых грузинских письменных источников.

Этер-и, ж. и.— лексически восходит к греческому *ἄιθηρ*, но сам антропоним — продукт исключительно грузинского имятворчества. В силу этого имя Этер-и получило распространение среди грузин и частично также в среде традиционно с ними связанных народов (армян, абхазцев). Хронологически оно может восходить к периоду адаптации его греческого корня в грузинском языке, которая указывает не на процесс возникновения анализируемого имени в грузинской среде, а на историю культурных и языковых контактов грузин с греками-византийцами⁴.

Имя Этер-и в средневековой грузинской литературе не получило широкого распространения. Нынешней популярностью оно обязано опере грузинского композитора З. П. Палиашвили «Абесалом и Этери» (1919), в основу которой автор положил народную лирико-эпическую балладу «Этериани»⁵. Судя по ее содержанию — история несчастливой любви царевича Абесаломы и пастушки Этери — имя героини могло появиться в демократических слоях населения. Вероятно, этим следует объяснить, что оно не встречается в памятниках средневековой грузинской литературы, авторы которых, озабоченные прежде всего судьбами господствующих классов, оставили нам имена, распространенные преимущественно среди феодальной элиты. Существующее мнение о связи имени Этер-и с библейским Эстер — «Звезда»⁶ ничем не обосновано ни фонетически, ни с точки зрения исторических реалий.

Нател, ж. и.— «светлая». Под этим именем известна одна из жен грузинского царя Димитрия Самопожертвенного (1270—1289)⁷. Нател, единственное упоминание о которой принадлежит анонимному автору «Хронографа» (XIV в.)⁸, была активной деятельницей описываемого в источнике времени; об этом свидетельствует также и то, что хотя она не была «старшей» женой христианина-многоженца Димитрия, ее единородный сын Георгий стал одним из самых замечательных правителей средневековой Грузии. В историю он вошел под прозвищем Блистательный (1314—1346)⁹. В позднем средневековье имя Нател было распространено с номинативным окончанием *-и* — *Натели*. Ныне принята народная форма *Натела*, она восходит к книжной традиции (письменная литература любого жанра — основной источник грузинской антропонимии¹⁰) и связана с одноименной фольклорной песней на слова поэта Акакия Церетели. Имя Натела получило широкое распространение не только среди грузин, но и традиционно связанных с ними народов, не исключая, между прочим, и русских, имеющих собственный богатый антропонимический репертуар.

В смысловом отношении имя Нател примыкает непосредственно к византийской эстетической традиции, представлениям ромеев об идеальной женской внешности. Светлые волосы и голубые глаза были эталоном женской красоты для византийцев¹¹. Возникновению этой традиции, надо думать, способствовали такие активные в истории Византийской империи народы, как славяне, германцы, аланы (груз. *овси*). Указанная традиция через византийцев, этих законодателей не только религиозно-политических догматов, но и эстетики феодального быта, передалась и грузинам, о чем может свидетельствовать древнегрузинское ж. и. *Борена* (под таким именем известна одна из средневековых грузинских поэтесс, аланка по происхождению¹²), также попавшее в грузинскую антропонию книжным путем в форме *Шорена*¹³.

Не исключено, что ж. и. Нател — калька греческого слова (греч. φωτω, лат. *illumino*) «освещать», «просвещать» в значении «крестить» — груз. *натл-ва*, *натли-ис-цема*. О вероятности такого происхождения антропонима Нател должен говорить тот факт, что впервые он появился в юго-западной Грузии, где в грузинской культуре, и в частности в церковной терминологии, грекофильская тенденция была особенно сильна¹⁴.

Лаша, м. и. История возникновения документируется письменным источником. Лаша — имя не просто прозвищного характера, оно также несет в себе определенную информацию. Безымянный автор «Истории и восхваления венценосцев» (первая часть XIII в.) сообщает, что сын и преемник царицы Тамар (1184—1207) Георгий IV (1207—1223) был наречен вторым именем Лаша, «которое с языка апсаров переводится, (как) Просветитель мира»¹⁵. Под двумя именами — Георгий IV Лаша — и фигурирует этот правитель в истории Грузии. Принадлежность апсаров к древнеабхазским племенам ныне уже в доказательствах не нуждается¹⁶. Имя Лаша представляет собой модифицированную по законам древнегрузинского произношения форму бытующего в современном абхазском языке слова *а-лаша-ра* — «светоч», «просветитель». Таким образом, имя Лаша возникло по той же модели, что и ж. и. Этер-и, — корень негрузинского слова лег в основу грузинского имени. Кроме того, открывается довольно выразительная историческая панорама. Во-первых, древнегрузинский историк, современник описываемых событий¹⁷, отличает апсаров от абхазов, этническим которых еще за несколько столетий до начала XIII в. стал обозначать население западной части Грузинского царства, а затем и Грузию в целом¹⁸. Во-вторых, налицо важное значение собственно древнеабхазского племени апсаров в пределах Грузинского царства, в частности на его северо-западных рубежах. Иначе бы правительница Грузии периода ее расцвета не снизошла до такого внимания к языку апсаров. Наконец, само значение имени должно указывать на какие-то усилия миссионеров на территории расселения апсаров. О миссионерской деятельности грузин на Кавказе, в том числе и в Абхазии в описываемую в «Истории и восхвалении венценосцев» эпоху и раньше, говорят различные источники, в том числе и этнографические. Еще сравнительно недавно абхазцы приписывали именно царице Тамар строительство сохранившихся в руинах на территории Абхазии христианских храмов¹⁹.

В свое время В. А. Никонов писал, что исследование имен прозвищного происхождения «нечасто поднимается выше уровня примитивной классификации по лексическим группам... Неизвестны вес их в современной антропони-мической системе, соотношение их функций с другими видами антропонимов у различных групп населения, темпы и формы вытеснения их или ограничения их функций»²⁰. Со времени написания этих слов мало что изменилось.

Значение и функции прозвищ (*cognomen*) в антропони-мической системе прослеживаются во все времена и, очевидно, у всех народов и различных социально-культурных слоев и групп населения. Бесконечен сам процесс образования прозвищ при всем том, что индивидуальные прозвища практически не повторяются, в особенности уничижительные: в истории известен лишь один

византийский император-иконоборец Константин V с пейоративным прозвищем *Копроним* — «Навозник», отличившийся жестокостью в борьбе со своими политическими противниками, которые и дали ему столь унижительное второе имя. В России известен только один царь по прозванию Грозный, данному ему, правда, не из презрения, как в первом случае, а из панического страха, который он нагнал на своих современников. В истории грузин также одно лицо с легитимистскими претензиями носило негативное прозвище *Чала*, что по-мегрельски и по-абхазски значит «слабосильный», «маломощный». Такое прозвище в его историческом контексте по своей информативности может быть равным порой странице повествовательного текста. Оно свидетельствует о политической ситуации, когда одна из противоборствующих группировок феодалов из эгоистических соображений выдвигала на престол Абхазского царства слабосильного и послушного представителя правящей фамилии. Кроме того, данное прозвище свидетельствует, что та среда, которую представлял «царь Чала», в практическом общении пользовалась мегрельским и абхазским языками, и, таким образом, выясняется, что кроме грузинского языка — языка письменности и культуры — на территории Абхазского царства функционировали и местные языки-патуа в качестве средства общения между отдельными местными этническими общностями²¹.

В отличие от негативных прозвища престижного характера могли переходить из рода в род и из поколения в поколение, становясь, таким образом, стойким элементом народного именника. Одним из таких имен прозвищного происхождения в грузинском антропонимическом репертуаре мы считаем м. и. *Шалва*.

Оно широко распространено среди современных грузин, особенно среди людей старшего и среднего поколения. О популярности его в прошлом свидетельствуют не только производные от него полуимена — *Шалико*, *Шалика*, *Шалута*, но и связанные с ним фамилии: *Шалвашвили*, *Шаликашвили*, *Шалуташвили*. Несмотря на это, номогенез его считается невыясненным. Знаток грузинской антропонимии З. Чумбуридзе признается, что «Шалва — имя грузинское, но значение его не установлено»²².

Однако материалы грузинского языка свидетельствуют, что в основе имени Шалва лежит корень *шал*, от которого развился глагол *шла* — «смешивать», «смущать»²³. Еще в раннесредневековый период от корня *шал* образовалось существительное *шалва* со значением «смятение»: *шеги-шал-ос гонебай гулиса шалви-та* — «Да смутится разум твой смятением (*шалви-та*) сердца твоего»²⁴. Отметим также, что еще в средние века слово *шалва* вошло в грузинскую медицинскую терминологию, в которой оно значило «сердечную аритмию»²⁵. В этом смысле имя Шалва типологически перекликается с русским *Вадим* — от «вадить», «спорить» и т. п.²⁶ и широко распространенным среди христианских народов греческим *Тарас* — «Непоседливый».

Самое раннее упоминание человека по имени Шалва встречается в эпиграфических источниках XI в. В с. Баджити (Сачхерский р-н) сохранилась церковь с ктиторской надписью: «Святая Троица, помилуй Шалва (...) Основы этой церкви впервые заложил я, Шалва. Христе, помилуй»²⁷. Другой эпиграфический источник из с. Симонети (Терджольский р-н) также сообщает о некоем Шалва: «Святый Георгий, помилуй раба твоего Шалва»²⁸. Одним словом, уже с XI в. популярность этого имени вполне очевидна. Эта была эпоха расцвета Грузинского феодального царства, время деятельных и предприимчивых личностей, что народная антропонимия не преминула зафиксировать.

Впоследствии имя Шалва на некоторое время исчезает из грузинской антропонимии. Во всяком случае, лишь с начала XIII в., в критический период истории Грузии, оно вновь появляется на страницах грузинских анналов. Наиболее раннее упоминание относится к видному полководцу и государственному деятелю Шалва Ахалцихскому (*Ахалцихели*), прославленному военачальнику еще времен царицы Тамар²⁹. В 1225 г. он активно действовал в борьбе

против возглавляемых Джалал ад-Дином хорезмийцев, незадолго до нашествия монголов, разоривших Закавказье³⁰. В этой борьбе Шалва Ахалцихский был схвачен неприятелем и принял мученическую смерть.

Отныне имя Шалва распространялось в Грузии из ее южных областей, чему, очевидно, способствовала историческая ситуация: то была наиболее уязвимая для многочисленных иноземных вторжений территория. И это имя, пока еще, вероятно, носившее прозвищный характер, стало здесь одним из наиболее популярных, особенно в среде феодальной элиты.

В генеалогии некоторых носителей данного антропонима нашел отражение (и она в свою очередь отразила) смешанный характер населения на пограничной грузинско-армянской территории. В этой контактной зоне даже образовалась своеобразная этнографическая группа, известная по грузинским источникам под названием *сомхитари*³¹, что приблизительно значит «арменоиды», подразумевается при этом отнюдь не антропологический тип, а исключительно культурно-бытовой и, кроме того, судя по данным антропонимии, языковой. В источнике также зафиксировано широкое распространение в этой области имени *Боцо*, в основе которого лежит арм. *боц* — «пламя». Между прочим, упомянутый выше Шалва Ахалцихский был сыном известного в Южной Грузии феодала Боцо. Смысловая близость имен отца и сына вполне очевидна. Вероятно, грузинское имя с армянским корнем бытовало в развитом грузинском языке в звательном падеже (окончание -о — это одна из бытовых особенностей грузинской антропонимии), что должно указывать на языковую ситуацию в контактной грузинско-армянской зоне.

Имя Боцо не закрепилось в грузинской антропонимии, в то время как Шалва получило распространение и даже стало родовым именем известного в свое время Грузии азнаурского (дворянского) клана Шаликаиани³².

Имя Шалва известно также той части абхазского этноса, которая проживает смежно с грузинскими этнографическими группами. Но любопытно, что оно получило широкое распространение (пожалуй, большее, чем другие грузинские антропонимы) среди грузинских евреев. В данном случае, можно думать, имела место (естественно, с учетом разницы соответствующих традиций) та же закономерность, которая еще в прошлом веке была отмечена у евреев южных губерний России. «Чужие, широко введенные в обиход повседневной жизни имена,— писал С. Вайсенберг о южно русских евреях,— редко были переводами старых еврейских имен на новый язык, а составляли лишь созвучную переделку старого имени на новый лад»³³. Имя Шалва у грузинских евреев представляло собой «лишь созвучную переделку» собственного еврейского *Шолом*, в свою очередь широко распространенного через ветхозаветную традицию среди грузин в форме *Соломон-и* и даже принявшего фамильный статус — *Соломониа*.

Для того чтобы прозвище трансформировалось в имя (в узком значении этого термина), как известно, недостаточно наличия одной лишь соответствующей политической ситуации. Фактом антропонимии как одним из элементов культуры народа прозвище может стать лишь в том случае, когда начальный его носитель исторически «вписался» в общекультурный фон народа. Сама личность, давшая начало прозвищу, играет в таком случае достаточно существенную роль. Нет оснований сомневаться в том, что прозвище — социально-культурный знак и поэтому может иметь определенное источниковое значение.

Обращенные в имена прозвища как бы заново совершают однажды пройденный круг, но уже в ином качестве и значении. К таковым, в частности, можно отнести нарицательные имена-прозвища, восходящие к именам либо известных исторических личностей, либо литературных персонажей. Грузинская антропонимия (как, естественно, антропонимия и других народов) достаточно богата материалами такого рода и весьма к ним чутка. Приведем один характерный пример.

В средневековый период в грузинской антропонимии, очевидно, могло превратиться в прозвище имя *Садун*, означавшее также «знатока многих языков». Грузинский писатель и лексикограф С.-С. Орбелиани (1658—1725) в своем «Словаре грузинского языка» пишет: «Садун — человек, владеющий различными языками»³⁴, т. е. «полиглот», для которого он приводит, между прочим, и чисто грузинский эквивалент — *мо-эне*³⁵ («владелец языков»). Это определение ориентировано на имя известного политического деятеля Грузии и Армении периода монгольского владычества в Закавказье Садуна Манкабердского (груз. Манкабердели, арм. Манкабердци).

Садун Манкабердский, обармянившийся курд, — личность противоречивая³⁶, что было обусловлено сложной эпохой, в которую он жил, теми жизненными задачами, которые он ставил перед собой, и методами, которыми их решал. Во время его деятельности Грузия была раздроблена на отдельные вотчины, которыми завоеватели распоряжались сообразно со своими нуждами и намерениями. Торговля территориями, принадлежавшими целым этнографическим группам, стала в Грузии обычным ремеслом для ряда местных феодалов и подвизавшихся при них разного рода временщиков и искателей наживы. В таких условиях Садун проявил себя изворотливым дипломатом, честолюбивым и энергичным предпринимателем. Он не пошел на службу к монголам, хотя мог у них преуспеть, но и в Грузии он не стал поборником интересов одних лишь местных династов и тем более трудовых слоев населения. Владея действительно многими совершенно не похожими друг на друга языками — курдским, армянским, грузинским, монгольским, персидским — он, кроме того, обладал исключительной способностью адаптироваться в среде носителей каждого из этих языков. Садун был признанным драгоманом во время визитов грузинских царей к их монгольским господам. Автор грузинского «Хронографа» XIV в. специально подчеркивает, что в ходе этих переговоров Садун искусно «смягчал» резкости, которых не избегла грузинская сторона и которые могли иметь для нее роковые последствия. К концу жизни Садун (около 1281—1285) объединил под своей властью значительную часть территорий Грузии и Армении — от Телави до Карса (последний он сделал своей резиденцией).

Говоря о средствах, которыми пользовался Садун в своей стяжательской деятельности, исследователи обычно акцентируют внимание на сообщении анонимного автора «Хронографа» XIV в., в котором эти средства определяются глаголом *моиверага* — «приобрел вероломным способом». Однако корень данного глагола — *вераг-и* — «вероломный» в XIV в. должен был иметь иной смысл. С.-С. Орбелиани толковал его просторечным синонимом *херхи*³⁷, которому Н. Д. Чубинашвили подобрал русский эквивалент «хитрость»³⁸. Не случайно грузинские и армянские источники, создавая едва ли не авантюристический образ Садуна, тем не менее оценивают его в целом положительно, называя человеком мудрым и разумным.

Однако культурный термин «садун» оказался ограничен кругом, в котором непосредственно вращался князь Манкабердский; термин не оставил никакого следа в народной памяти. Но результаты деятельности Садуна выходили далеко за пределы его непосредственного окружения и затрагивали интересы различных слоев населения, в том числе и трудящихся. В таком случае мы могли бы ожидать отражения по крайней мере в языке хотя бы отголосков о жизни этого человека. Но таковых не оказалось. В грузинском антропонимическом репертуаре, обычно легко и органически включающем в свой фонд имена выдающихся личностей разных времен и народов, полностью отсутствуют какие-либо следы имени Садун, а произведенный от него культурный термин вряд ли имел широкое хождение в народной грузинской речи. Все это может свидетельствовать о том, сколь безразличны могли быть народные массы к иноземным временщикам, как бы значительны они ни были и как личности, и как политические деятели.

- ¹ Мейе А. Сравнительный метод в историческом языкознании. М., 1954. С. 10.
- ² Суперанская А. В. Языковые и внеязыковые ассоциации собственных имен // Антропонимика. М., 1970. С. 8.
- ³ Образцом использования метода исторической этимологии в антропонимике с целью выявления в них этнических элементов является работа: Абаев В. И. К этимологии древнеперсидских имен Kuruš, Kambyūja, Čišpīš // Этимология. 1965. М., 1967. С. 286—295.
- ⁴ В грузинском это слово впервые встречается в письменных памятниках XI в.— см. Абуладзе И. В. Словарь древнегрузинского языка (Материалы). Тбилиси, 1973. С. 146 (на груз. яз.).
- ⁵ Умикашвили П. Народная словесность. Ч. I. Тбилиси, 1937. С. 157—159 (на груз. яз.). Хотя Н. Я. Марр допускал наличие у грузин в XII—XIII вв. «какого-то романа» (письменного? фольклорного?) с главной героиней Этери (Марр Н. Я. Древнегрузинские описки // Тексты и разыскания по армяно-грузинской филологии. Т. IV. СПб., 1902. Указатель), но это предположение пока не подтверждается.
- ⁶ Чумбуридзе З. Как тебя зовут? Тбилиси. 1966. С. 68 (на груз. яз.).
- ⁷ Очерки истории Грузии. В 8 т. Т. III. Тбилиси, 1979. С. 604—609 (на груз. яз.).
- ⁸ Картелис Цховреба (История Грузии) / Подготовил к изданию по всем основным рукописям Каучишвили С. Г. Т. II. Тбилиси, 1959. С. 286 и др. (на древнегруз. яз.).
- ⁹ Джавахишвили И. А. История грузинского народа // Джавахишвили И. А. Соч. Т. III. Тбилиси, 1982. С. 161—179 (на груз. яз.).
- ¹⁰ Ср. Марр Н. Я. «Мудрость Балавара», грузинская версия «душеполезной истории о Варлааме и Иоасафе» // Зап. Вост. отд. Русск. археол. о-ва. Т. 3. Вып. 4. СПб., 1989. С. 224.
- ¹¹ Ср. Любарский Я. Н. Предисловие // Комнина А. Александрия. М., 1965. С. 17—18.
- ¹² Ингоркова П. И. Эпilog Руствелианы // Ингоркова П. И. Соч. Т. I. Тбилиси, 1964. С. 683 и сл. (на груз. яз.).
- ¹³ Цулая Г. В. Отрок Шарукан — Атрака Шараганис-дзе (К вопросу об антропонимическом источниковедении истории народов Кавказа) // Кавказский этнографический сборник. Т. VIII. М., 1984. С. 198.
- ¹⁴ Подробно см.: Марр Н. Я. Крещение армян, грузин, абхазов и аланов святым Григорием // Зап. Вост. отд. Русск. археол. о-ва. Т. XVI. Вып. 2—3. СПб., 1905. С. 151—152.
- ¹⁵ Картелис Цховреба (История Грузии). Т. II. С. 58.
- ¹⁶ Анчабадзе З. В. Из истории средневековой Абхазии, Сухуми, 1959. С. 190 (там же библиография).
- ¹⁷ Кекелидзе К. С. История и восхваление венценосцев / Пер. с древнегруз., введение и примеч. Тбилиси, 1954.
- ¹⁸ Анчабадзе З. В. Указ. раб. С. 117—121.
- ¹⁹ Басария С. П. Избр. соч. Сухуми, 1967. С. 54, 64.
- ²⁰ Никонов В. А. Имя и общество. М., 1974. С. 248 (см. также: его же. Системы личных имен // Системы личных имен у народов мира. М., 1989. С. 7—8).
- ²¹ Цулая Г. В. Указ. раб. С. 195—196.
- ²² Чумбуридзе З. Указ. раб. С. 168.
- ²³ Орбелиани С.-С. Словарь грузинского языка // Орбелиани С.-С. Соч. Т. 4. Ч. I. Тбилиси, 1966. С. 86 (на груз. яз.); Ч. 2. С. 277, 304 (на груз. яз.); Чубинашвили Н. Д. Словарь грузинского языка с русским переводом. Тбилиси, 1961. С. 145.
- ²⁴ Абуладзе И. В. Указ. раб. С. 470.
- ²⁵ Панаскертели-Цицишвили З. Лечебная Книга — Карабадини. Тбилиси, 1978. С. 842 и др. (на древнегруз. яз.).
- ²⁶ Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. М., 1964. С. 265.
- ²⁷ Силогава В. И. Надписи Западной Грузии (IX—XIII вв.). Тбилиси, 1980. С. 70 (на груз. яз.).
- ²⁸ Там же. С. 112—113.
- ²⁹ Картелис Цховреба (История Грузии). Т. II. С. 74.
- ³⁰ Там же. С. 171; Цулая Г. В. Джалал ад-Дин в оценке грузинской летописной традиции // Летописи и хроники. 1980. М., 1981.
- ³¹ Меликсет-Бек Л. М. Армяне в Грузии // Кавказ и Византия. Вып. I. Ереван, 1979. С. 168 (на арм. яз.).
- ³² Картелис Цховреба (История Грузии). Т. II. С. 519.
- ³³ Вайсенберг С. Имена южно-русских евреев (Этнографический очерк) // Этнографическое обозрение. № 1—2. М., 1913. С. 89 и др. Это явление было характерно для антропонимии евреев диаспоры и неоднократно отмечалось в литературе. Так, например, К. Каутский, говоря о перемене древнееврейских имен Савл и Манасия соответственно на латинское Павел и древнегреческое Менелай, писал: «Такая перемена имени охотно практиковалась иудеями, которые желали добиться известного значения в неиудейских кругах» (Каутский К. Происхождение христианства. М., 1990. С. 356). Аналогичное явление наблюдается и среди других народов, например, перемена грузинами имени Бондо на Борис, армянами Мкртыч на Никита; по словам моего друга, осетинского археолога и знатока этнографии осетин Р. Г. Дзаттиати — осетинами Сослан на Руслан и т. д., что является результатом процесса адаптации их носителей в иноэтнической среде, обусловленного культурно-историческими и социальными факторами.
- ³⁴ Орбелиани С.-С. Указ. раб. Соч. Т. 4. Ч. 2. С. 28.
- ³⁵ Там же. С. 28.

³⁶ О нем см.: Очерки по истории Грузии. Т. III. С. 604—606, 793—797 и др.; Манандян Я. А. Критический обзор истории армянского народа // Манандян Я. А. Труды. Т. 3. Ереван, 1977. С. 309 и др. (на арм. яз.); Мурадян П. М. Грузинская Хронография (1207—1318). Ереван, 1971. С. 201 (на арм. яз.); Грузинский анонимный историк XIV в. Столетняя история / Изд. Кикнадзе Р. К. Тбилиси, 1987. С. 232—233 (на груз. яз.).

³⁷ Орбелиани С.-С. Указ. раб. Т. 4. Ч. 1. С. 265.

³⁸ Чубинашвили Н. Д. Указ. раб. С. 467. Между прочим, груз. *верагоба* в русском переводе Нового Завета также соответствует «хитрости» (II Кор., 4, 2).

© 1991 г., СЭ, № 3

Ю. Ю. Карпов

«КАМЕННЫЕ ГОЛОВЫ» ИЗ ДАГЕСТАНСКОГО СЕЛЕНИЯ САГАДА

На территории цезского сел. Сагада¹ в начале 1970-х годов во время строительства здания школы и проведения хозяйственных работ на соседних участках местными жителями было обнаружено четыре скульптурных изображения человеческих голов, выполненных из камня твердой породы. В настоящее время эти головы наряду с другими предметами, найденными там же, в том числе тремя бронзовыми антропоморфными фигурками (одной — поясной, двумя — в полный рост, причем одна из них — фаллическая), хранятся в местной школе².

Голова № 1 (см. рисунок). Размеры: высота — 14,5 см, ширина — 6 см. Верхняя и нижняя стороны закруглены, нижняя часть усечена. Нос V-образной формы, с боковыми стенками, переходящими в приподнятые линии бровей, шаровидные глаза, рот в виде широкой дуги глубоко рельефны.

Голова № 2. Пролонно расколота. Размеры: высота — 16,5 см, ширина — 5,5 см. Поверхность ее нижней части носит следы сколов. Черты лица переданы так же, как на голове № 1. Глаза шаровидной формы, непропорционально большие, занимают половину лица и поэтому в определенном ракурсе могут «читаться» как щеки. Подбородок (?) скошенный, резко выступающий, очертание рта нечеткое. Нижняя часть носа отбита. Выше линии бровей выпуклое изображение ленты или, возможно, нижнего края головного убора.

Голова № 3. Размеры: высота — 8,5 см, ширина лицевой стороны — 4 см, боковой — 4,5 см. Верхняя часть головы имеет округлую форму. Нижняя поверхность не обработана. Черты лица напоминают черты головы № 1, но менее рельефны.

Голова № 4. Размеры: высота — 9,5 см, ширина — 5,5 см. Верхняя поверхность головы уплощенная, нижняя не обработана. Правый глаз отбит, левый выпуклой формы. Нос прямой. Ниже носа, на расстоянии 1 см, на лицевой и боковой поверхностях скульптурного изображения расположено поперечное ленточное углубление шириной около 1 см. В отличие от подобных углублений на других головах на данном скульптурном изображении оно воспринимается как шея.

Вариативность передачи черт лица каждого скульптурного изображения незначительна. Общее для всех голов — акцентирование внимания на одних и тех же деталях: глазах (шаровидной формы, «лупоглазых»), носе, отчасти надбровном валике и углублении рта (в трех случаях с приподнятыми углами, благодаря чему, возможно, передавался эффект смеха) либо подбородке. Интересно отсутствие специальной обработки нижней части изображений, на ос-